

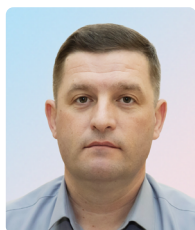
СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2026.2.50.8

УДК 316 | ББК 60.54/60.56

© Пихтелев А.М.

УПРАВЛЕНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКИМ ДИСКУРСОМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ МОДЕЛЕЙ С УЧЕТОМ ВЫЗОВОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КУРСАНТОВ)

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИХТЕЛЕВ

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации

Саратов, Российская Федерация

e-mail: pikhtelev.a@bk.ru

ORCID: [0000-0002-9982-4610](https://orcid.org/0000-0002-9982-4610) ResearcherID: [PQA-6212-2026](https://orcid.org/PQA-6212-2026)

Статья посвящена проблеме управления патриотическим дискурсом в молодежной среде в контексте цифровизации общественных коммуникаций. Актуальность исследования обусловлена фундаментальным противоречием: при декларируемом высоком уровне патриотизма среди российской молодежи (до 85% респондентов идентифицируют себя как патриоты) и активной государственной политике в сфере патриотического воспитания информационное пространство социальных медиа насыщено антипатриотическими нарративами, которые демонстрируют более высокую вовлеченность аудитории по сравнению с официальным контентом. Цель исследования – теоретическое осмысление причин низкой результативности управления патриотическим дискурсом в цифровой среде и разработка путей оптимизации управленческих стратегий на основе синтеза отечественных и зарубежных концепций. Эмпирическую базу исследования составляют, во-первых, вторичный анализ данных общероссийских опросов ВЦИОМ и ФОМ за 2010–2025 гг. (выборки до 1600 респондентов), отражающих динамику изменений представлений россиян о патриотизме, во-вторых, результаты качественного фокус-группового исследования на базе Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии с участием 20 курсантов 1–5 курсов. Методологическая основа работы включает междисциплинарный подход, интегрирующий социологию управления, политическую психологию и теорию коммуникации. Научная новизна заключается в комплексном применении западных теоретических моделей (различение «слепого» и «конструктивного» патриотизма, теория социальной идентичности, концепция гражданской добродетели) к анализу российских реалий с учетом специфики курсантов как профессиональной группы, а также в предложении авторской концепции перехода от «информирующей» (монологической, формально-

ритуальной) к «интерактивной» (диалоговой, деятельностной, учитывающей ценностные ориентации молодежи) модели управления общественным сознанием. Исследование носит преимущественно теоретико-методологический характер. Выводы о функционировании антипатриотических нарративов в цифровой среде основаны на вторичном анализе существующих работ по данной тематике. Результаты исследования могут быть использованы при разработке государственной молодежной политики, совершенствовании программ патриотического воспитания в образовательных учреждениях, а также при оптимизации коммуникационных стратегий государственных структур в социальных медиа, направленных на работу с молодежной аудиторией.

Патриотизм, социальное управление, цифровая среда, социальные медиа, слепой патриотизм, конструктивный патриотизм, гражданская идентичность, молодежь, курсанты, государственная политика, историческая память.

Введение

Проблема управления патриотическим сознанием в современной России актуализируется в условиях геополитической нестабильности, информационного противостояния и стремительной цифровизации общественных процессов. Патриотизм традиционно рассматривается как фундаментальная ценность, обеспечивающая социальную консолидацию, национальную безопасность и преемственность поколений (Мартынов и др., 2020; Корж, Каримова, 2022). Однако в последние десятилетия фиксируется парадоксальная ситуация. Так, Р.В. Парма отмечает, что при высоком уровне декларируемого патриотизма среди российских граждан, особенно молодежи, информационное пространство социальных медиа насыщено антипатриотическими нарративами. Данные нарративы не только успешно конкурируют с официальным дискурсом, но зачастую превосходят его по степени вовлеченности аудитории и эффективности воздействия (Парма, 2024). В настоящей работе мы опираемся на данный эмпирический факт как на исходную проблемную ситуацию, не подвергая его самостоятельной верификации. Наша задача – предложить теоретическое объяснение данного феномена и наметить пути оптимизации управленческих стратегий.

Особый исследовательский интерес в данном контексте представляет изучение восприятия патриотизма курсантами, специфической группой молодежи, для которой

патриотизм выступает не просто ценностной ориентацией, но и профессиональным долгом, нормативно закрепленным и реализуемым в повседневных практиках (Пихтелев, 2022). Именно курсанты в условиях современных угроз оказываются той группой, анализ которой позволяет судить об устойчивости и подлинности патриотических ценностей, об их способности выдерживать проверку реальными жизненными обстоятельствами.

Выявленное противоречие детерминирует постановку ряда исследовательских вопросов. Во-первых, каковы причины низкой эффективности традиционных институтов управления (государства, системы образования, семьи) в трансляции патриотических ценностей в цифровой среде. Во-вторых, какие теоретические модели позволяют объяснить успех антипатриотических акторов, действующих в социальных медиа. В-третьих, представляется ли возможным на основе зарубежных концепций патриотизма разработать более эффективные управленческие стратегии, адаптированные к российским социокультурным условиям и учитывающие ценностные ориентации молодежи.

Цель исследования – проанализировать причины низкой результативности управления патриотическим дискурсом в молодежной среде (с особым вниманием к вызовам цифровизации) и предложить пути оптимизации управленческих стратегий на основе синтеза зарубежных концепций и эмпирических данных.

Для достижения цели решены следующие задачи:

1) проанализированы ключевые отечественные и зарубежные научные подходы к пониманию патриотизма;

2) на основе вторичного анализа (работы Р.В. Пармы, данные ВЦИОМ и ФОМ) выявлены основные характеристики управления патриотическим дискурсом в российских социальных медиа;

3) с помощью качественного фокус-группового исследования реконструированы представления о патриотизме у курсантов;

4) полученные данные сопоставлены с теоретическими моделями и сформулированы рекомендации по совершенствованию системы управления патриотическим сознанием.

Научная новизна исследования определяется комплексным применением зарубежных теоретических моделей (слепой и конструктивный патриотизм, цифровой патриотизм) к анализу российской практики управления с учетом специфики курсантов; введением в научный оборот новых эмпирических данных фокус-группового исследования среди курсантов; предложением авторской концепции перехода от «информирующей» к «интерактивной» модели управления.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации и сопоставлении отечественных и зарубежных подходов к пониманию патриотизма, выявлении ключевых факторов эффективности управленческих стратегий в цифровой среде, а также в применении интегративного определения патриотизма (Ивченкова, Буханский, 2024) для анализа специфики патриотического сознания курсантов. Практическая значимость заключается в том, что его результаты могут быть использованы при разработке государственной молодежной политики, программ патриотического воспитания в образовательных учреждениях, а также при совершенствовании коммуникационных стратегий государственных структур в социальных медиа.

Объектом исследования выступают ценностные ориентации и представления о па-

триотизме в молодежной среде (на примере курсантов военных образовательных организаций как специфической социально-профессиональной группы). Предметом исследования являются теоретические модели и практические механизмы управления патриотическим дискурсом, а также факторы, определяющие его эффективность.

Теоретические основы отечественной и зарубежной социологии патриотизма

Теоретическое осмысление патриотизма имеет давнюю традицию как в зарубежной, так и в отечественной науке. Классики социологии (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) связывали патриотизм с процессами социальной интеграции, ценностно-рационального действия и интернализации культурных образцов. М. Вебер рассматривал патриотическое поведение как пример ценностно-рационального действия, ориентированного на безусловную ценность служения Отечеству (Вебер, 1990). Э. Дюркгейм, анализируя коллективные представления и ритуалы, видел в патриотизме механизм поддержания социальной солидарности, особенно в условиях усложнения социальной структуры (Дюркгейм, 1998). Т. Парсонс, в свою очередь, интерпретировал патриотизм как результат интернализации высоких культурных образцов, транслируемых через институты социализации (Парсонс, 1998).

В современной зарубежной социологии ключевым для нашего исследования является различие «слепого» и «конструктивного» патриотизма, предложенное Р. Шацем, Э. Штаубом и Г. Лавином. Слепой патриотизм характеризуется некритической привязанностью к стране, безоговорочной поддержкой всех действий властей и неприятием любой критики. В свою очередь конструктивный патриотизм, напротив, предполагает критическую лояльность, где человек любит свою страну, но готов указывать на ее недостатки и стремиться к их исправлению (Schatz et al., 1999). Эмпирические исследования, проведенные авторами, показали, что слепой патриотизм коррелирует с авто-

ритарными чертами личности и консерватизмом, тогда как конструктивный связан с политической активностью и демократическими ценностями (Schatz et al., 1999).

П. Кляйнгельд предложила более детальную типологию, выделив гражданский патриотизм (любовь к политическим институтам, обеспечивающим свободу), националистический патриотизм (привязанность к этнической общности) и патриотизм, основанный на характерных чертах страны (апелляция к природе, культуре, образу жизни) (Kleingeld, 2000). Предложенная исследователем типология позволяет дифференцировать объекты патриотической привязанности и, соответственно, дифференцировать стратегии управления ими.

И. Приморац в своих трудах развивал философскую концепцию умеренного патриотизма, который «признает право других на аналогичные чувства и допускает моральные ограничения на продвижение интересов своей страны» (Primoratz, 2002, с. 456). Данная концепция важна для понимания границ допустимого в патриотическом дискурсе и предотвращения его перерождения в национализм и ксенофобию.

В теории социальной идентичности, разработанной Г. Тайфелем и Дж. Тернером, патриотизм интерпретируется как результат идентификации индивида с национальной группой, что влечет за собой следование групповым нормам (Мартынов и др., 2020). Л. Хадди и Н. Хатиб, развивая соответствующий подход, показали нам, что сильная национальная идентичность положительно связана с политической вовлеченностью и явкой на выборы, поскольку «хороший гражданин» в демократическом обществе должен участвовать в политической жизни (Huddy, Khatib, 2007). В цифровой среде данные нормы могут интерпретироваться по-разному в различных группах, что создает конкуренцию за определение того, что считать патриотическим поведением.

С. Бен-Порат развивает идею гражданской добродетели, возникающей из необходимости, и связывает патриотизм с участием в общем проекте страны (Ben-Porath,

2007). Данная концепция акцентирует не пассивное восхищение, а активную вовлеченность в жизнь общества, что созвучно современным дискуссиям о деятельностном патриотизме.

В российской научной традиции особое место занимает концепция И.А. Ильина, рассматривавшего патриотизм как «духовно-творческий акт самоопределения личности» и различавшего «истинный» и «ложный» патриотизм (Ильин, 1993). Данная дихотомия, как показывают современные исследователи, сохраняет свою актуальность и сегодня (Гаврилова, 2015; Решетников, Решетникова, 2020). Н.С. Савкин выделяет три типа патриотизма: «подлинный (истинный), показательный и мнимый» (Савкин, 2018, с. 197–204).

В современной российской социологии, как отмечают М.С. Ивченкова и И.И. Буханский, сложилось несколько подходов к интерпретации понятия «патриотизм». На основе анализа работ отечественных авторов исследователи выделяют четыре смысловые группы определений: патриотизм как эмоциональное чувство, как социальное чувство, как ценность и как государственный ресурс (Ивченкова, Буханский, 2024). В рамках первого подхода патриотизм понимается как духовное качество личности, выраженное в преданности и любви к Отечеству, уважении к его истории и культуре (Санина, 2016). Второй подход акцентирует переживание солидарности с близкими, сопричастность к судьбе народа (Левашов, 2006). Третий подход рассматривает патриотизм как традиционную ценностную установку, «веками сложившуюся и единственно возможную (по отношению к Родине) по сей день» (Халий, 2016, с. 133). Четвертый подход трактует патриотизм как важнейший социальный ресурс, конструируемый властями для реализации политического курса (Малинкин, 1999).

Каждое из этих пониманий имеет свои методологические ограничения, но в совокупности они позволяют зафиксировать многомерность патриотического сознания. М.С. Ивченкова и И.И. Буханский предлагают интегральное определение, которое мы берем за основу в данной работе: «патри-

отизм – это ощущение индивидом своего вхождения в некоторое надындивидуальное единство, выполняющее идентификационную и интегративную функции и представленное в отношении (эмоциональной стороне вхождения), осознании (понимании идентификации как ценности) и деятельности (отстаивании ее в действиях, направленных на защиту компонентов единства, общих для всех его членов)» (Ивченкова, Буханский, 2024, с. 93).

Особый интерес для нашего исследования представляет типология патриотизма, разработанная И.А. Халий в рамках деятельностно-активистской парадигмы. И.А. Халий выделяет три типа отношения к Родине: «безоговорочный патриотизм (любовь без стремления к преобразованиям), преобразовательная любовь к Родине (стремление привести страну к лучшим образцам) и индифферентное отношение (отсутствие стремления улучшить жизнь в своей стране, поиск самореализации за ее пределами)» (Халий, 2017, с. 67).

Ключевой для нашего исследования является работа Р.В. Пармы, посвященная продвижению патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодежи (Парма, 2024). Автор показывает, что при абсолютном доминировании патриотических настроений в молодежной среде (85% считают себя патриотами) антипатриотический информационный поток значительно активнее, разнообразнее и лучше адаптирован к особенностям цифровой коммуникации. Патриотический контент исходит преимущественно от официальных структур, включая вузы, и характеризуется неинтерактивностью и использованием устаревших форматов (Парма, 2024).

Исследования Л.И. Ростовцевой, посвященные патриотическому воспитанию в восприятии экспертов и школьников, показывают, что формализм и бюрократизация являются главными препятствиями для эффективного патриотического воспитания (Ростовцева и др., 2019). Мероприятия проводятся «для галочки» и не затрагивают душу молодых людей, что резко контрасти-

рует с живым и эмоциональным антипатриотическим контентом в социальных медиа.

Сравнительный анализ с данными по Казахстану, представленный в работе К.У. Биекенова и Н.Ж. Биекеновой, демонстрирует важность деятельностного подхода (Биекенов, Биекенова, 2016). Участие молодежи в конкретных проектах, таких как озеленение и помощь селу, формирует не просто абстрактную любовь к Родине, а практическую сопричастность.

Зарубежные исследования также предлагают полезные подходы к изучению патриотического воспитания в цифровую эпоху. Так, например, Д. Дунас провел исследование, направленное на анализ отношения молодежи в социальных медиа к политическим нарративам. В зарубежных исследованиях достаточно активно развивается концепция «digital patriotism» (цифровой патриотизм), в которой исследуются вопросы трансформации форм патриотической идентичности в результате влияния цифровых медиаресурсов. Представители данной концепции отмечают, что «эффективность патриотического контента напрямую зависит от его интерактивности и способности апеллировать к личным ценностям» (Дунас и др., 2024, с. 286–288). Соответствующий вывод перекликается с концепцией «связующего действия» (connective action), предложенной У. Беннеттом и А. Сегербергом. Согласно предложенной концепции, в цифровую эпоху коллективная идентичность формируется не столько через институциональные каналы и вертикальные структуры, сколько через персонализированные нарративы и горизонтальные сетевые взаимодействия (Bennett, Segerberg, 2013, p. 215–217). Соответственно, в рамках данного подхода под «digital patriotism» понимается совокупность практик, благодаря которым индивиды выражают, переживают и конструируют свою связь с Родиной через онлайн-платформы (социальные сети, мессенджеры, блоги, цифровые сообщества). В отличие от традиционных форм патриотизма, которые транслируются через государственные институты (школа, армия, официальные СМИ),

«digital patriotism» характеризуется «децентрализацией, интерактивностью и высокой степенью персонализации» (Bennett, Segerberg, 2013, p. 217). Данный вид патриотизма позволяет акторам «не только потреблять готовые патриотические нарративы, но и участвовать в их создании, ремиксе и распространении, что существенно повышает уровень вовлеченности и эмоциональной привязанности к контенту» (Bennett, Segerberg, 2013, p. 219). У Беннетт и А. Сегерберг выделяют несколько характерных особенностей «digital patriotism» (цифрового патриотизма). Первая особенность, ритуализация повседневных онлайн практик, которые включают в себя размещение постов с государственной символикой, участие в вирусных патриотических кампаниях, комментирование и репост материалов, связанных с национальными праздниками или историческими событиями. Вторая особенность – объединение личной идентичности с коллективной, которую исследователи интерпретируют следующим образом: в цифровой среде пользователи часто конструируют патриотическую идентичность через призму личного опыта, семейной истории или локальных привязанностей, что делает патриотизм более «осязаемым» и эмоционально заряженным (Bennett, Segerberg, 2013). Третья особенность заключается в его противоречивости: «цифровая среда одновременно создает возможности для консолидации вокруг патриотических ценностей и для их оспаривания, поскольку различные акторы (государственные структуры, общественные организации, неформальные сообщества, отдельные блогеры) конкурируют за определение того, что значит быть патриотом в конкретный исторический момент» (Bennett, Segerberg, 2013, p. 221).

Таким образом, обращаясь к концепции «digital patriotism», возможно более точно описать механизмы, посредством которых в современной цифровой среде происходит борьба за смыслы и ценностные ориентации молодежи. Данная концепция подчеркивает, что эффективное управление патриотическим дискурсом в цифровой среде невоз-

можно без учета специфики сетевых коммуникаций, интерактивных форматов и персонализированных нарративов. Последние являются основными в цифровом опыте современной молодежи.

Проведенный теоретический анализ позволил зафиксировать ряд противоречий. Во-первых, прослеживается разрыв между отечественным и зарубежным опытом формирования патриотизма. Зарубежные модели остаются фрагментарно представленными в отечественном дискурсе, что ограничивает возможность заимствования успешных управленческих решений. Во-вторых, сохраняется диссонанс между высоким уровнем декларируемого патриотизма среди российских граждан и низкой результативностью управления патриотическим дискурсом в цифровой среде. Официальные стратегии, ориентированные на традиционные каналы коммуникации и монологические форматы, проигрывают более гибким и интерактивным подходам, что подтверждается результатами эмпирических исследований о медиапотреблении молодежи (Парма, 2024).

Методология и методы исследования

Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, интегрирующий социологию управления, политическую психологию и теорию коммуникации. В рамках социологии управления патриотизм рассматривается не только как ценностная ориентация, но и как управленческий ресурс, выполняющий интегративную, мобилизационную, легитимирующую и нормативную функции (Тощенко, 2020). Теоретическая база исследования дополнена зарубежными концепциями «слепого» и «конструктивного» патриотизма (Schatz et al., 1999), теорией социальной идентичности (Huddy, Khatib, 2007) и концепцией гражданской добродетели (Ben-Porath, 2007), что позволило осуществить сопоставительный анализ управленческих стратегий в цифровой среде.

Эмпирическая база исследования включает два взаимодополняющих источника.

Первый источник – вторичный анализ данных общероссийских социологиче-

ских опросов, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в период 2010–2025 гг. Используются следующие исследования:

1) ВЦИОМ: «О современном российском патриотизме» (2024 год, всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМСпутник», N = 1600 респондентов в возрасте от 18 лет, ошибка выборки не превышает 2,5%)¹;

2) ВЦИОМ: «Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать» (2022 год, всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник», N = 1600, ошибка выборки не превышает 2,5%)²;

3) ВЦИОМ: «Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать!» (2020 год, всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник», N = 1600, ошибка выборки не превышает 2,5%)³;

4) ФОМ: «Нововведения в школах: гимн и флаг» (2022 год, всероссийский поквартирный опрос «ФОМнибус», N = 1500 респондентов от 18 лет, статистическая погрешность не превышает 3,6%)⁴;

5) ФОМ: «Отношение к введению НВП в школах» (2022 год, всероссийский поквартирный опрос «ФОМнибус», N = 1500 респондентов от 18 лет, статистическая погрешность не превышает 3,6%)⁵

6) ФОМ: «К 78-й годовщине окончания Великой Отечественной войны» (2023 год, всероссийский поквартирный опрос «ФОМнибус», N = 1500, статистическая погрешность не превышает 3,6%)⁶;

7) ФОМ: «К 80-й годовщине окончания Великой Отечественной войны» (2025 год, всероссийский поквартирный опрос

«ФОМнибус», N = 1500, статистическая погрешность не превышает 3,6%)⁷.

Второй источник – качественные данные, полученные в ходе фокус-группового исследования «Патриотизм как интегративный феномен». Исследование проведено 19 февраля 2026 года на базе Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии. В фокус-группе приняли участие 46 респондентов, из которых для нашего исследования были отобраны высказывания 20 курсантов 1–5 курсов (все – мужчины, возраст от 21 до 24 лет) как наиболее релевантные для анализа молодежной аудитории. Отбор участников осуществлялся методом целевой выборки по критериям принадлежности к категории «курсант» и добровольности участия. Фокус-группа проводилась в формате очного группового интервью продолжительностью 120 минут под руководством модератора. Сценарий фокусированного интервью включал пять блоков: 1) ассоциации со словом «патриотизм»; 2) понимание сущности патриотизма и патриота; 3) факторы формирования патриотических чувств; 4) различие «истинного» и «ложного» патриотизма; 5) отношение к государственным символам. Все высказывания участников фиксировались на диктофон с последующей расшифровкой и тематическим анализом. Обработка качественных данных осуществлялась методом контент-анализа с выделением ключевых тематических категорий. При подсчете доли участников, упомянувших тот или иной тематический блок, учитывались все высказывания, сделанные в ходе фокус-группы.

¹ О современном российском патриотизме. ВЦИОМ. 29.03.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 15.02.2026).

² Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать. ВЦИОМ. 28.04.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat> (дата обращения: 15.02.2026).

³ Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать! ВЦИОМ. 11.06.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnya-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat> (дата обращения: 15.02.2026).

⁴ Нововведения в школах: гимн и флаг. ФОМ. 08.09.2022. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14776> (дата обращения: 15.02.2026).

⁵ Отношение к введению НВП в школах. ФОМ. 07.12.2022. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14809> (дата обращения: 15.02.2026).

⁶ К 78-й годовщине окончания Великой Отечественной войны. ФОМ. 05.05.2023. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14870> (дата обращения: 15.02.2026).

⁷ К 80-й годовщине окончания Великой Отечественной войны. ФОМ. 08.05.2025. URL: <https://fom.ru/Proshloe/15184> (дата обращения: 15.02.2026).

Ограничения исследования, определяющие границы интерпретации полученных результатов:

1. Исследование не содержит прямого эмпирического анализа поведения молодежи в социальных медиа (метрики вовлеченности, контент-анализ постов, цифровые практики). Утверждение о доминировании антипатриотических нарративов в цифровой среде основано на вторичном анализе работы Р.В. Пармы (Парма, 2024) и используется как исходная проблемная ситуация, а не как самостоятельно проверенный факт.

2. Эмпирическая часть, выполненная методом фокус-группы, охватывает только курсантов одного военного института (N = 20). Это специфическая социально-профессиональная группа, и полученные выводы не могут быть автоматически распространены на всю молодежную аудиторию. Мы рассматриваем курсантов как «предельный случай» – группу с максимально сильной патриотической нормативностью.

3. Данные массовых опросов ВЦИОМ и ФОМ используются как контекстуальный фон (общественные настроения, тренды), а не как прямое доказательство процессов именно в цифровой среде.

4. Факторы успеха антипатриотических акторов заимствованы из работы Р.В. Пармы (Парма, 2024) и служат теоретической рамкой, а не самостоятельным эмпирическим результатом.

Таким образом, данная работа носит преимущественно теоретико-методологический и постановочный характер. Предложенные выводы и рекомендации требуют дальнейшей эмпирической верификации с использованием методов цифровой этнографии, сетевого анализа и контент-анализа социальных медиа.

Результаты исследования

Качественные сдвиги в патриотических ориентациях россиян (по данным ВЦИОМ и ФОМ)

Анализ данных массовых опросов фиксирует фундаментальные изменения в структуре патриотических представле-

ний россиян за последние полтора десятилетия. Мониторинг ВЦИОМ показывает устойчивую динамику от преимущественно аффективных трактовок патриотизма к деятельностно-прагматическим и оборонительным императивам (рис. 1): доля респондентов, связывающих патриотизм с «любовью к Родине», снизилась с 71% в 2010 году до 58% в 2024 году, тогда как доля тех, кто воспринимает патриотизм как «работу на благо страны», выросла с 27 до 52%, а как «защиту от нападков» – с 27 до 48%. Пиковые значения деятельностного и оборонительного компонентов приходятся на 2022–2024 гг., что связано с началом специальной военной операции и консолидацией общества перед внешними вызовами. Одновременно фиксируется незначительный, но устойчивый рост доли респондентов, отметивших гордость за страну (с 44 до 55%) и уважение к другим народам (с 19 до 28%), что свидетельствует о формировании более сложной структуры патриотического сознания.

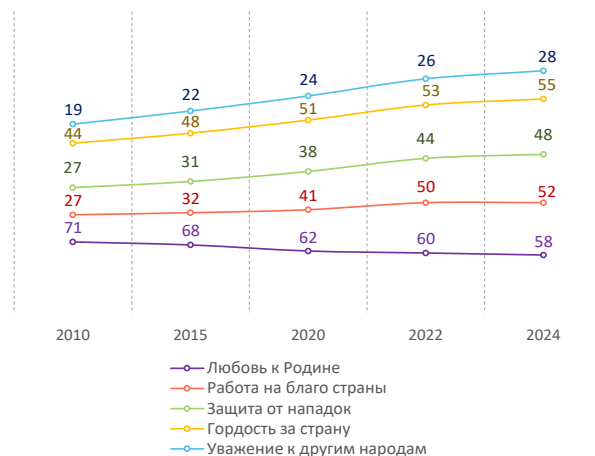
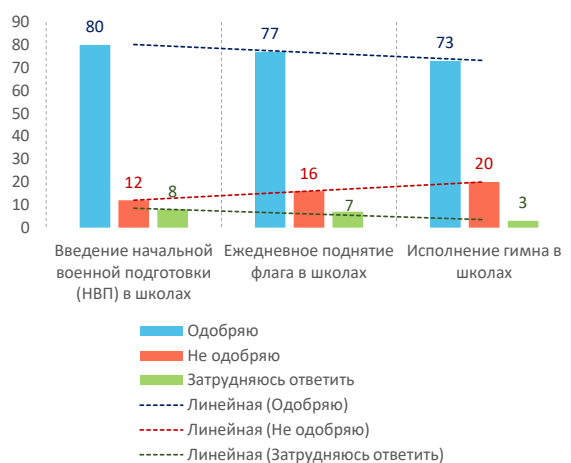

Рис. 1. Динамика представлений о сущности патриотизма*, % от числа опрошенных

* Допускалось несколько вариантов ответа.

Источники: О современном российском патриотизме. ВЦИОМ. 29.03.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme>; Патриотизм сегодня: любить, заботиться и защищать. ВЦИОМ. 28.04.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ljubit-zabotitsja-i-zashchishchat>; Патриотизм сегодня: не только любить, но и работать! ВЦИОМ. 11.06.2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-segodnja-ne-tolko-lyubit-no-i-rabotat>

Данные ФОМ фиксируют устойчивую динамику роста общественной поддержки государственных инициатив патриотической направленности (рис. 2).

Рис. 2. Поддержка государственных инициатив патриотической направленности, % от числа опрошенных

Источники: Нововведения в школах: гимн и флаг. ФОМ. 08.09.2022. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14776>; Отношение к введению НВП в школах. ФОМ. 07.12.2022. URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/14809>

Наиболее консолидированную поддержку населения получило введение в школах начальной военной подготовки (НВП) – 80% респондентов. Столь же высокие показатели поддержки демонстрируют ритуалы, связанные с государственной символикой. Как справедливо отмечают исследователи, «ритуализация создает повторяющиеся поведенческие паттерны, связывающие индивида с государством на докогнитивном уровне» (Ивченкова, Буханский, 2024, с. 88). Данные ФОМ свидетельствуют о том, что данные механизмы находят широкий отклик в обществе. Поддержка ритуалов и образовательных инициатив отражает принятие обществом символических практик как естественной составляющей повседневной жизни.

Важным трендом выступает качественное изменение эмоционального восприятия ключевого для национальной идентичности события – Великой Отечественной войны

(рис. 3). Анализ опросов ФОМ показывает, что в структуре эмоций, связанных с войной, акцент смещается с традиционных для послевоенных поколений траура и скорби на позитивно окрашенные эмоции – гордость и «радость победы». Данная динамика свидетельствует о переосмыслении исторического прошлого в сторону его героизации и формирования на данной основе позитивной патриотической идентичности.

Рис. 3. Структура эмоционального восприятия Великой Отечественной войны, % от числа опрошенных

Источники: К 78-й годовщине окончания Великой Отечественной войны. ФОМ. 05.05.2023. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14870>; К 80-й годовщине окончания Великой Отечественной войны. ФОМ. 08.05.2025. URL: <https://fom.ru/Proshloe/15184>

Важным каналом трансляции патриотических ценностей выступает семейная память. Согласно данным ФОМ, в 43% российских семей хранятся реликвии, связанные с событиями Великой Отечественной войны⁸. Этот показатель имеет принципиальное значение, поскольку семейная память обеспечивает эмоциональное, лично-окрашенное усвоение официального исторического нарратива, превращая его из абстрактного знания в часть личной истории. Именно через семейные реликвии, рассказы старших поколений патриотические ценности приобретают ту глубину и подлинность, которая не может быть

⁸ К 80-й годовщине окончания Великой Отечественной войны. ФОМ. 08.05.2025. URL: <https://fom.ru/Proshloe/15184> (дата обращения: 15.02.2026).

достигнута исключительно формальными воспитательными мероприятиями.

Обращает на себя внимание ряд устойчивых тенденций, которые фиксируются в данных массовых опросов. Прежде всего речь идет о существенном смещении смысловых акцентов в понимании патриотизма. Если еще сравнительно недавно он трактовался преимущественно в эмоционально-аффективном ключе (любовь к Родине, чувство гордости, привязанность), то сегодня все отчетливее проступают деятельностные и оборонительные направления. Патриотизм все чаще понимается не как пассивное переживание, а как активная позиция, предполагающая конкретные действия (работа на благо страны, готовность к ее защите).

Другая важная тенденция связана с ростом общественной поддержки инициатив, направленных на формирование патриотических установок через повседневные практики и ритуалы. Такие меры, как введение начальной военной подготовки, поднятие флага и исполнение гимна в школах, находят широкий отклик у населения. Данное обстоятельство подтверждает тот факт, что символические механизмы патриотического воспитания не воспринимаются обществом как что-то навязанное, они являются необходимой частью общественной жизни.

Несложно заметить, что происходят трансформации и в исторической памяти общества. Это прежде всего связано с изменяющимся эмоциональным восприятием Великой Отечественной войны, которая остается ключевым событием для национальной идентичности. Данные изменения связаны со смещением акцента с траура и скорби на гордость и «радость победы». Это свидетельствует, что все чаще прошлое осмысливается через героические образы, формируя тем самым позитивную патриотическую идентичность. Основным каналом трансляции данных смыслов является семейная память, которая придает историческому нарративу глубину и подлинность.

Как показывает анализ массовых опросов, в настоящее время в обществе происходит не просто рост патриотических настроений, а именно качественная перестройка патриотического сознания. Патриотизм сегодня, как отмечают респонденты, становится более деятельностным и опирается на разделяемые социумом символические практики, укореняясь в исторической памяти, транслируемой через семейные каналы. Все это в совокупности создает макросоциальный контекст, в котором происходит формирование патриотических ориентаций.

Патриотизм в восприятии курсантов

Анализ высказываний курсантов позволяет зафиксировать ключевые особенности восприятия патриотизма в молодежной среде. В ответах курсантов выделяется несколько устойчивых тематических блоков.

1. Чувства и эмоции. Патриотизм осмысливается прежде всего через эмоциональную связь с Родиной: «*Патриотизм – это любовь к своей Родине, готовность идти на жертвы ради своей страны...*» (курсант, 22 года); «*Для меня патриотизм – это гордость за свою страну, за ее историю, за людей, которые в ней живут...*» (курсант, 23 года).

2. Связь с малой родиной и семьей. Курсанты подчеркивают, что патриотизм формируется через привязанность к ближайшему окружению: «*Патриотизм начинается с семьи, с того места, где ты родился. Если ты не любишь свой дом, своих близких, какой ты патриот страны?*» (курсант, 21 год).

3. Историческая память. Значительная часть высказываний связана с героическим прошлым: «*Когда слышу слово „патриотизм“, сразу вспоминаю своего прадеда, который воевал. Для меня он – настоящий патриот...*» (курсант, 22 года).

4. Деятельностный характер патриотизма. В ответах на вопрос «Кто такой патриот?» акцент смещается с эмоций на деятельностные характеристики: «*Патриот – это человек, который любит свою Родину, готов защищать ее и трудиться на ее благо...*» (курсант, 22 года); «*Патриот – это человек, который знает историю своей страны, ува-*

жает ее традиции и готов передать это знание детям...» (курсант, 23 года).

5. Критическое отношение к формализму. Курсанты различают «истинный» и «показной» патриотизм, что созвучно идеям И.А. Ильина: «Я считаю себя патриотом, но не люблю громких слов. Я просто делаю свое дело – учусь, чтобы стать хорошим офицером...» (курсант, 22 года).

6. Практики патриотического поведения. Участие в акции «Бессмертный полк», помощь ветеранам, служба в армии осмысляются респондентами как реальные проявления патриотизма: «Когда идешь в Бессмертном полку с портретом прадеда – это очень сильное чувство. Ты понимаешь, что ты часть чего-то важного...» (курсант, 21 год).

7. Роль личного примера. Курсанты указывают на ключевое значение семейной трансляции ценностей: «У меня патриотизм от бабушки с дедушкой. Они рассказывали мне, что нужно быть трудолюбивым, уважать старших и любить историю своей страны...» (курсант, 21 год).

Для систематизации ответов респондентов нами была проведена классификация высказываний по тематическим блокам (рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов курсантов по тематическим блокам

Примечание: N = 20, фиксировались все упоминания в ходе фокус-группы.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в сознании курсантов патриотизм

предстает как сложное явление, в котором эмоциональная привязанность тесно переплетена с готовностью к действию, а историческая память служит фундаментом, на котором выстраиваются конкретные поведенческие практики. Особого внимания заслуживает тот факт, что 40% респондентов, в том числе курсанты, участвовавшие в фокус-группе, самостоятельно затронули тему «истинного» и «показного» патриотизма, что говорит о высоком уровне рефлексии и критическом отношении к формальным практикам патриотического воспитания.

Факторы успеха антипатриотических акторов в цифровой среде (по данным вторичного анализа)

Поскольку наше исследование не включало самостоятельный анализ цифрового контента, мы обращаемся к результатам работы Р.В. Пармы, в которой на основе контент-анализа социальных медиа и опросов студенческой молодежи были выделены следующие факторы, объясняющие более высокую эффективность антипатриотических нарративов по сравнению с официальными:

- адаптация к особенностям цифровой коммуникации – использование интерактивных форматов, эмоционально насыщенного и визуально привлекательного контента;
- апелляция к актуальным проблемам и чувствам – обращение к реальным социальным проблемам и эмоциональным триггерам;
- четкое таргетирование – знание своей аудитории и коммуникация на ее языке;
- использование «конструктивной критики» – присвоение морального превосходства над «официозным» патриотизмом;
- сетевая структура и децентрализация – возможность оперативно реагировать на события и адаптироваться к блокировкам (Парма, 2024).

В настоящей работе мы принимаем указанные факторы как обоснованное объяснение успеха антипатриотических акторов и в следующих разделах сопоставляем их с системными недостатками официальных стратегий, выявленных на основе нашего

эмпирического материала (данные ВЦИОМ, ФОМ и фокус-группа).

Системные недостатки управления патриотическим дискурсом

Проведенный анализ позволяет выделить системные недостатки сложившейся системы управления патриотическим сознанием в цифровой среде:

- идеологическая монополизация и отождествление патриотизма с лояльностью власти, как отмечает А.Г. Санина, для большинства россиян патриотизм является глубоко личным чувством и любовь к Родине далеко не всегда означает поддержку власти (Санина, 2016);

- ориентация на прошлое, а не на будущее; исследование Л.И. Ростовцевой показало, что современный российский патриотизм связан в первую очередь с прославлением прошлого; для современной молодежи, живущей настоящим и будущим, такая ретроспектива может быть недостаточно мотивирующей; зарубежные концепции, напротив, акцентируют проективный характер патриотизма как участия в общем проекте страны (Ростовцева и др., 2019; Ven-Porath, 2007);

- формализм и бюрократизация патриотического воспитания: мероприятия проводятся «для галочки» и не затрагивают душу молодых людей; данный стиль коммуникации резко контрастирует с живым и эмоциональным антипатриотическим контентом (Ростовцева и др., 2019);

- игнорирование ценностной структуры молодежи, управление, ориентированное на «среднего студента», не учитывает дифференциацию молодежной аудитории и поэтому малоэффективно;

- технологическое отставание: сегодня патриотический сегмент в значительной степени уступает антипатриотическому в использовании современных цифровых инструментов и форматов (Парма, 2024).

Таким образом, выявленные системные недостатки управления патриотическим дискурсом носят структурный характер. Данное обстоятельство указывает нам на то, что выявленные недостатки объединя-

ет противоречие между декларируемыми целями и использованными средствами. Последнее связано приоритетом монолога над диалогом, формальных процедур над живым участием, унифицированных подходов над учетом ценностной дифференциации аудитории. Совокупность указанных факторов снижает эффективность патриотического воспитания и создает барьеры, препятствующие адаптации к цифровым вызовам, в которых преобладают иные форматы коммуникации и способы смыслопорождения. Преодоление данных недостатков требует пересмотра коммуникативных принципов в молодежной аудитории.

Обсуждение

Прежде чем интерпретировать полученные результаты, необходимо подчеркнуть, что эмпирическая часть нашей работы не дает прямых свидетельств о механизмах функционирования патриотического дискурса в цифровой среде. Выводы о факторах успеха антипатриотических акторов, а также общее утверждение о насыщенности социальных медиа антипатриотическими нарративами опираются на вторичный анализ работы Р.В. Пармы. Наш собственный вклад состоит в следующем: теоретическом осмыслении данных факторов через призму зарубежных концепций (слепой и конструктивный патриотизм, цифровой патриотизм); сопоставлении с системными недостатками официальных стратегий, выявленными на основе анализа фокус-группы и массовых опросов; предложении интерактивной модели управления, учитывающей указанные недостатки.

Полученные результаты позволяют поставить ряд важных вопросов о природе управления патриотическим сознанием в цифровую эпоху. А.Н. Малинкин справедливо отмечает, что «патриотизм укоренен в человеческой свободе и не может быть навязан извне» (Малинкин, 1999, с. 28). Однако это не означает, что государство и общество не могут создавать условия для его формирования, транслировать ценности и предлагать образцы для подражания.

Дихотомия «слепого» и «конструктивного» патриотизма оказывается чрезвычайно продуктивной для понимания текущей ситуации (Schatz et al., 1999). Официальный дискурс тяготеет к модели слепого патриотизма, тогда как антипатриотические акторы умело эксплуатируют образ «конструктивных критиков», при этом настоящий конструктивный патриотизм, предполагающий диалог с властью и стремление к улучшению, оказывается в тени. Зарубежные исследования показывают, что именно конструктивный патриотизм коррелирует с более высокой политической активностью и доверием к демократическим институтам (Huddy, Khatib, 2007).

Сравнение с казахстанским опытом демонстрирует важность деятельностного подхода (Биекенов, Биекенова, 2016). Участие молодежи в конкретных проектах, таких как озеленение и помощь селу, формирует не просто абстрактную любовь к Родине, а практическую сопричастность. Последнее соответствует идеям «деятельностного патриотизма», развиваемым в отечественной педагогике (Гаврилова, 2015; Решетников, Решетникова, 2020). В данном контексте заслуживает внимания опыт ФРГ, где программы патриотического воспитания строятся вокруг участия в волонтерских проектах и проектной деятельности, что позволяет молодежи «прожить» патриотизм как личный опыт (Gebauer, Wulf, 1992).

Особого внимания заслуживает роль образовательных институтов. Исследование Р.В. Пармы показывает, что вузы практически исключены из процесса управления патриотическим дискурсом в цифровой среде (Парма, 2024). Данные фокус-группы с участием курсантов подтверждают, что ключевыми факторами формирования патриотизма выступают не формальные мероприятия, а личный пример, семейная историческая память и деятельностные практики. В данном смысле полезным может быть обращение к израильскому опыту, где воспитание гражданской идентичности и патриотизма строится вокруг «общего дела» (например, служба в армии; участие в киббуцном дви-

жении, характеризующееся общностью имущества и равенством в труде и потреблении) и рефлексивного обсуждения национальных ценностей (Ben-Amos, Bet-El, 1999).

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что управление патриотическим сознанием в эпоху цифровизации не может сводиться к трансляции унифицированных ценностных ориентаций и административному их навязыванию. Важно в нынешних реалиях пересмотреть содержательное наполнение патриотического дискурса, оно должно быть способно укорениться в повседневных практиках молодежи. Зарубежные патриотические модели указывают на перспективу смещения фокуса с ритуально-символических форм на вовлечение молодежи в реальные социальные практики. Однако в российских патриотических моделях продолжают доминировать формальные механизмы воспитания. В связи с этим образовательные институты продолжают оставаться оторванными от цифровой коммуникационной среды, а это существенно снижает их влияние на формирование устойчивых патриотических ориентаций в молодежной среде.

Заключение

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и сравнительном анализе зарубежных и отечественных научных подходов к пониманию феномена патриотизма. Исследование показывает, что основные зарубежные концепции, такие как «слепой» и «конструктивный» патриотизм (Schatz et al., 1999), теория социальной идентичности (Huddy, Khatib, 2007), концепция гражданской добродетели (Ben-Porath, 2007), обладают эвристическим потенциалом для российских исследований управленческой практики, но при этом представлены в них фрагментарно. В нашем исследовании впервые предпринята попытка комплексного анализа применения указанных зарубежных теоретических моделей к российским реалиям с учетом специфики молодежной аудитории, включая курсантов военных образовательных организаций.

Мы не претендуем на разработку нового интегративного определения патриотизма, в качестве рабочего нами использовано определение, предложенное М.С. Ивченковой и И.И. Буханским (Ивченкова, Буханский, 2024), что позволило операционализировать патриотическое сознание как единство аффективного, когнитивного и деятельностного компонентов. Опираясь на данное определение, а также на типологию И.А. Халий, мы обосновываем необходимость рассматривать патриотизм не как статичную ценностную установку, а как динамическое образование, реализующееся в единстве аффективной привязанности к Родине, осознанной идентификации с ней и конкретных практик служения.

В работе выявлены и систематизированы факторы, обуславливающие успех антипатриотических акторов в цифровой среде (адаптация к особенностям цифровой коммуникации, апелляция к актуальным проблемам, четкое таргетирование, использование «конструктивной критики», сетевая структура и децентрализация), а также системные недостатки сложившейся системы управления патриотическим сознанием (идеологическая монополизация и отождествление патриотизма с лояльностью власти, ориентация на прошлое, формализм и бюрократизация, игнорирование ценностной структуры молодежи, технологическое отставание). Выявлено, что указанные недостатки носят не частный, а структурный характер, будучи объединены фундаментальным противоречием между декларируемыми целями и используемыми средствами, а именно приоритетом монолога над диалогом, формальных процедур над живым участием, унифицированных подходов над ценностной дифференциацией аудитории.

Практическая значимость исследования заключается в разработке и обосновании концепции перехода от «информирующей» к «интерактивной» модели управления патриотическим сознанием. Данная модель, опирающаяся на идеи конструктивного и деятельностного патриотизма, предполагает

следующие действия: смещение акцента с трансляции унифицированных ценностных конструкторов на создание условий для диалога и рефлексивного присвоения ценностей; замену формальных, «имитационных» практик воспитания на деятельностные форматы, предполагающие реальное участие молодежи в социально значимых проектах; отказ от монологических форматов коммуникации в пользу интерактивных, учитывающих специфику цифровой среды и ценностные ориентации различных групп молодежи; интеграцию образовательных институтов в цифровое коммуникационное пространство, где реально формируются смыслы и установки молодого поколения.

Предложенная модель может быть использована при разработке государственной молодежной политики, программ патриотического воспитания в образовательных учреждениях, а также при совершенствовании коммуникационных стратегий государственных структур в социальных медиа, направленных на работу с молодежной аудиторией. Особую ценность представляют эмпирические данные, полученные в ходе фокус-группового исследования, которые могут служить основой для выработки адресных рекомендаций по патриотическому воспитанию в системе военного образования.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом механизмов формирования конструктивного патриотизма в цифровой среде, изучением долгосрочных эффектов различных воспитательных стратегий, а также проведением сравнительных исследований в разных регионах России и постсоветских странах в целях выявления как общих закономерностей, так и специфических особенностей управления патриотическим дискурсом. Важным направлением представляется также разработка и апробация методик оценки эффективности управленческих стратегий в сфере патриотического воспитания, учитывающих не только декларируемые установки, но и реальные поведенческие практики молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

- Биекенов К.У., Биекенова Н.Ж. (2016). Патриотизм как ценность современных казахстанских студентов // Социологические исследования. № 6. С. 157–160.
- Вебер М. (1990). Избранные произведения. Москва: Прогресс. 809 с.
- Гаврилова А.О. (2015). Деятельностный патриотизм как фактор развития творческих способностей подростка // Известия ВГПУ. Педагогические науки. № 5. С. 34–39.
- Дунас Д.В., Гуреева А.Н., Бабына Д.А. (2024). Воспитание патриотических чувств: изучение отношения цифровой молодежи к политическим нарративам в социальных медиа // Вопросы теории и практики журналистики. Т. 13. № 2. С. 286–302.
- Дюркгейм Э. (1998). О разделении общественного труда. Москва: Канон+. 432 с.
- Ивченков С.Г., Сайганова Е.В. (2019). Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения // Вестник Института социологии. Т. 10. № 1. С. 104–119. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.558
- Ивченкова М.С., Буханский И.И. (2024). Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии // Вестник Института социологии. Т. 15. № 2. С. 81–97. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.6
- Ильин И.А. (1993). Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Москва: Русская книга. С. 245–247.
- Колесникова Е.Ю. (2022). Формирование гражданского патриотизма студенческой молодежи Юга России: факторы и барьеры (по материалам фокус-групп) // Caucasian Science Bridge. Т. 5. № 2. С. 82–98.
- Корж Н.В., Каримова Л.Ф. (2022). Проблема патриотизма среди современной молодежи в условиях геополитической напряженности // Наука. Общество. Государство. Т. 10. № 4. С. 80–89.
- Котруца Л.Н. (2007). Формирование патриотического сознания учащихся в условиях современной школы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. № 3. С. 176–183.
- Левашов В.К. (2006). Патриотизм в контексте современных социально-политических реалий // Социологические исследования. № 8 (268). С. 67–78.
- Малинкин А.Н. (1999). Понятие патриотизма: эссе по социологии знания // Социологический журнал. № 1–2. С. 27–59.
- Мартынов М.Ю., Фадеева Л.А., Габеркорн А.И. (2020). Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. № 2. С. 109–121.
- Мигранова Э.В., Псянчин А.В. (2025). Патриотизм в современных условиях (на основе анализа данных фокус-групповых исследований среди молодежи в республиках Башкортостан и Татарстан) // Вестник антропологии. № 4. С. 41–53.
- Парма Р.В. (2024). Продвижение патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодежи // Высшее образование в России. Т. 33. № 1. С. 44–67. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67
- Парсонс Т. (1998). Система современных обществ. Москва: Аспект Пресс. 270 с.
- Пихтелев А.М. (2022). Формирование патриотизма у студентов современных вузов // Научные труды Московского гуманитарного университета. № 2. С. 61–66.
- Решетников В.А., Решетникова Е.В. (2020). Деятельностный патриотизм как социокультурный феномен // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. Т. 32. С. 50–60. DOI: 10.26516/2304-1226.2020.32.50
- Ростовцева Л.И., Гельфонд М.Л., Мирошина Е.Ю. (2019). Патриотическое воспитание глазами экспертов и школьников // Социологические исследования. № 8. С. 75–83. DOI: 10.31857/S013216250006163-2
- Савкин Н.С. (2018). Философия патриотизма: патриотизм мнимый, показной и подлинный // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. № 2. С. 197–204.
- Санина А.Г. (2016). Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. № 5. С. 44–53.
- Тощенко Ж.Т. (2020). Социология управления. Москва: Юрайт. 408 с.

- Халий И.А. (2017). Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. № 2. С. 67–74.
- Халий И.А. (2016). Социология патриотизма в исторической ретроспективе и ее применение к анализу российской реальности // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость, Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года: материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. Москва: Российское общество социологов. С. 2200–2203. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4728> (дата обращения: 14.03.2026).
- Чушкова З.Р. (2018). Патриотизм в контексте единения современного российского общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 3 (224). С. 140–144.
- Anderson B. (2006). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso. 256 p.
- Bar-Tal D. (2000). *Shared beliefs in a society: Social psychological analysis*. Thousand Oaks: Sage. 232 p.
- Ben-Amos A., Bet-El I. (1999). Holocaust Day and Memorial Day in Israeli schools: Ceremonies, education and history. *Israeli Studies*, 4(1), 78–108.
- Bennett W.L., Segerberg A. (2013). *The logic of connective action: Digital media and the personalization of contentious politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 256 p.
- Ben-Porath S. (2007). Civic virtue out of necessity: patriotism and democratic education. *Theory and Research in Education*, 5(1), 41–59.
- Billig M. (1995). *Banal Nationalism*. London: Sage. 208 p.
- Castells M. (2010). *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell. 656 p.
- Gebauer G., Wulf C. (1992). *Mimesis: Kultur – Kunst – Gesellschaft*. Reinbek: Rowohlt. 320 p.
- Habermas J. (2001). *The Postnational Constellation: Political Essays*. Cambridge: MIT Press. 216 p.
- Huddy L., Khatib N. (2007). American patriotism, national identity, and political involvement. *American Journal of Political Science*, 51(1), 63–77.
- Inglehart R., Welzel C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press. 344 p.
- Kleingeld P. (2000). Kantian patriotism. *Philosophy & Public Affairs*, 29(4), 313–341.
- Mutz D.C. (2006). *Hearing the Other Side: Deliberative versus Participatory Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press. 184 p.
- Nussbaum M.C. (2002). *For Love of Country: Debating the Limits of Patriotism*. Boston: Beacon Press. 176 p.
- Primoratz I. (2002). Patriotism: A deflationary view. *The Philosophical Forum*, 33(4), 443–458.
- Putnam R.D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster. 544 p.
- Schatz R.T., Staub E., Lavine H. (1999). On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*, 20(1), 151–174.
- Smith A.D. (1991). *National Identity*. London: Penguin. 227 p.
- Sunstein C.R. (2007). *Republic.com 2.0*. Princeton: Princeton University Press. 272 p.
- Viroli M. (1995). *For Love of Country: An Essay on Patriotism and Nationalism*. Oxford: Oxford University Press. 216 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Михайлович Пихтелев – кандидат социологических наук, заместитель начальника научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации (Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 158; e-mail: pikhtelev.a@bk.ru)

Pikhtelev A.M.

MANAGEMENT OF PATRIOTIC DISCOURSE AMONG YOUNG PEOPLE: COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN MODELS TAKING INTO ACCOUNT THE CHALLENGES OF DIGITALIZATION (CASE STUDY OF CADETS)

The article is devoted to the problem of patriotic discourse management among young people in the context of digitalization of public communications. The relevance of the study is due to fundamental contradiction: with the declared high level of patriotism among Russian youth (up to 85% of respondents identify themselves as patriots) and active state policy in the field of patriotic education, the information space of social media is saturated with anti-patriotic narratives that demonstrate higher audience engagement compared to official content. The aim of the research is a theoretical understanding of the reasons for the low effectiveness of patriotic discourse management in the digital environment and the development of ways to optimize management strategies based on the synthesis of Russian and foreign concepts. The empirical basis of the study consists, first, of a secondary analysis of the data from the all-Russian VCIOM and FOM surveys for 2010–2025 (samples of up to 1,600 respondents), reflecting the dynamics of changes in Russians' perceptions of patriotism; second, the results of a qualitative focus group study on the basis of the Saratov Military Red Banner Order Institute of National Guard Troops of the Russian Federation with the participation of 20 cadets of 1–5 courses. The methodological basis of the work includes an interdisciplinary approach that integrates the sociology of management, political psychology and communication theory. The scientific novelty lies in the complex application of Western theoretical models (the distinction between “blind” and “constructive” patriotism, the theory of social identity, the concept of civic virtue) to the analysis of Russian realities, taking into account the specifics of cadets as a professional group, as well as in the proposal of our concept of transition from “informing” (monological, formal, and ritual) to “interactive” (dialogical, activity-based, taking into account the value orientations of youth) model of public consciousness management. The research is mainly theoretical and methodological in nature. Conclusions about the functioning of anti-patriotic narratives in the digital environment are based on a secondary analysis of existing works on this topic. The research results can be used in the development of state youth policy, improvement of patriotic education programs in educational institutions, as well as in optimizing the communication strategies of government agencies in social media aimed at working with youth audience.

Patriotism, social management, digital environment, social media, blind patriotism, constructive patriotism, civic identity, youth, cadets, public policy, historical memory.

REFERENCES

- Anderson B. (2006). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Bar-Tal D. (2000). *Shared Beliefs in a Society: Social Psychological Analysis*. Thousand Oaks: Sage.
- Ben-Amos A., Bet-El I. (1999). Holocaust Day and Memorial Day in Israeli schools: Ceremonies, education and history. *Israeli Studies*, 4(1), 78–108.
- Bennett W.L., Segerberg A. (2013). *The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ben-Porath S. (2007). Civic virtue out of necessity: Patriotism and democratic education. *Theory and Research in Education*, 5(1), 41–59.

- Biekenov K.U., Biekenova N.Zh. (2016). Patriotism as a value of modern Kazakhstani students. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 6, 157–160 (in Russian).
- Billig M. (1995). *Banal Nationalism*. London: Sage.
- Castells M. (2010). *The Rise of the Network Society*. Oxford: Blackwell.
- Chushokova Z.R. (2018). Patriotism in the context of the unity of modern Russian society. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*, 3(224), 140–144 (in Russian).
- Dunas D.V., Gureeva A.N., Babyna D.A. (2024). Fostering patriotic feelings: Study of the attitude of digital youth to political narratives in social media. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 13(2), 286–302 (in Russian).
- Durkheim E. (1998). *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labour in Society]. Moscow: Kanon+.
- Gavrilova A.O. (2015). Active patriotism as a factor in the development of a teenager's creative abilities. *Izvestiya VGPU. Pedagogicheskie nauki*, 5, 34–39 (in Russian).
- Gebauer G., Wulf C. (1992). *Mimesis: Kultur – Kunst – Gesellschaft*. Reinbek: Rowohlt.
- Habermas J. (2001). *The Postnational Constellation: Political Essays*. Cambridge: MIT Press.
- Huddy L., Khatib N. (2007). American patriotism, national identity, and political involvement. *American Journal of Political Science*, 51(1), 63–77.
- Ilyin I.A. (1993). The path of spiritual renewal. In: *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 1* [Collected works: In 10 Volumes. Volume 1]. Moscow: Russkaya kniga. C. 245–247 (in Russian).
- Inglehart R., Welzel C. (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ivchenkov S.G., Saiganova E.V. (2019). Patriotism as a component of public consciousness: Generational perspective of measurement. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 10(1), 104–119. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.558 (in Russian).
- Ivchenkova M.S., Bukhanskii I.I. (2024). Theoretical constructs and empirical analysis of Patriotism in Modern Russian Sociology. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 15(2), 81–97. DOI: 10.19181/vis.2024.15.2.6 (in Russian).
- Khalii I.A. (2016). The Sociology of Patriotism in Historical Retrospect and its Application to the Analysis of Russian Reality. In: *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost', Ekaterinburg, 19–21 oktyabrya 2016 goda: materialy V Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa* [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice, Yekaterinburg, October 19–21, 2016: Proceedings of the 5th All-Russian Sociological Congress]. Moscow: Rossiiskoe obshchestvo sotsiologov. Available at: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4728> (accessed: 14.03.2026; in Russian).
- Khalii I.A. (2017). Patriotism in Russia: Typologization experience. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2, 67–74 (in Russian).
- Kleingeld P. (2000). Kantian patriotism. *Philosophy & Public Affairs*, 29(4), 313–341.
- Kolesnikova E.Yu. (2022). Formation of civic patriotism among students of the South of Russia: Factors and barriers (based on focus groups). *Caucasian Science Bridge*, 5(2), 82–98 (in Russian).
- Korz N.V., Karimova L.F. (2022). The problem of patriotism among modern youth in the context of geopolitical tension. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*, 10(4), 80–89 (in Russian).
- Kotrutsa L.N. (2007). Formation of students' patriotic consciousness in a modern school environment. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya*, 3, 176–183 (in Russian).
- Levashov V.K. (2006). Patriotism in the context of modern socio-political realities. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 8(268), 67–78 (in Russian).
- Malinkin A.N. (1999). The concept of patriotism: An essay on the sociology of knowledge. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 1-2, 27–59 (in Russian).
- Martynov M.Yu., Fadeeva L.A., Gaberkorn A.I. (2020). Patriotism as a political discourse in modern Russia. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2, 109–121 (in Russian).
- Migranova E.V., Psyanchin A.V. (2025). Patriotism in modern conditions (based on the analysis of data from focus group studies among young people in the republics of Bashkortostan and Tatarstan). *Vestnik antropologii*, 4, 41–53 (in Russian).
- Mutz D.C. (2006). *Hearing the Other Side: Deliberative versus Participatory Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Nussbaum M.C. (2002). *For Love of Country: Debating the Limits of Patriotism*. Boston: Beacon Press.
- Parma R.V. (2024). Promotion of the patriotic agenda in social media among Russian students. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 33(1), 44–67. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67 (in Russian).
- Parsons T. (1998). *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow: Aspekt Press.
- Pikhteleв A.M. (2022). Formation of patriotism among students of modern universities. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2, 61–66 (in Russian).
- Primoratz I. (2002). Patriotism: A deflationary view. *The Philosophical Forum*, 33(4), 443–458.
- Putnam R.D. (2000). *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Reshetnikov V.A., Reshetnikova E.V. (2020). Active patriotism as a socio-cultural phenomenon. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 32, 50–60. DOI: 10.26516/2304-1226.2020.32.50 (in Russian).
- Rostovtseva L.I., Gel'fond M.L., Miroshina E.Yu. (2019). Patriotic education through the eyes of experts and schoolchildren. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 8, 75–83. DOI: 10.31857/S013216250006163-2 (in Russian).
- Sanina A.G. (2016). Patriotism and patriotic education in modern Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 5, 44–53 (in Russian).
- Savkin N.S. (2018). The philosophy of patriotism: Imaginary, ostentatious and genuine patriotism. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya*, 2, 197–204 (in Russian).
- Schatz R.T., Staub E., Lavine H. (1999). On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*, 20(1), 151–174.
- Smith A.D. (1991). *National Identity*. London: Penguin.
- Sunstein C.R. (2007). *Republic.com 2.0*. Princeton: Princeton University Press.
- Toshchenko Zh.T. (2020). *Sotsiologiya upravleniya* [Sociology of Management]. Moscow: Yurait.
- Viroli M. (1995). *For Love of Country: An Essay on Patriotism and Nationalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Weber M. (1990). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksei M. Pikhteleв – Candidate of Sciences (Sociology), deputy head of research, editorial and publishing department, Saratov Military Red Banner Order Institute of National Guard Troops of the Russian Federation (158, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: pikhteleв.a@bk.ru)